

*Ирина Глебова
г. Харьков, Украина*

РУБЕЖИ ИСТОРИИ – РУБЕЖИ ЛИТЕРАТУРЫ

Записки о Литературном фестивале в Смоленске

Автобус с писателями ехал по смоленской земле. Вопреки прогнозу Интернета погода была прекрасной: облака если и набегали на солнце, только затем, чтоб на несколько минут дать нам передышку от яркого света и зноя. Сменяющие друг друга пейзажи – поля, перелески, холмы... – навевали одно лишь определение: просторы. Вот мы сходу проскочили мост через неширокую речку, мелькнула табличка с её названием – «Лучеса». И сердце моё рванулось мгновенным воспоминанием:

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!
Здравствуй, пёстрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня,
Здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Василий Тёркин и его гениальный создатель Александр Твардовский – это их родимые места! Конечно я знала, что смоленский край – родина Твардовского, но только у речки Лучесы по-настоящему это осознала.

Именно смоленский край был избран в 2011-м году для проведения уже шестого Фестиваля литературы и искусства в Центральном федеральном округе России. И не случайно! Он проходил под девизом «Рубежи истории – рубежи литературы». А два главных исторических «рубежа» этого года – 50-летие первого полёта человека в космос и 70-летие начала Великой Отечественной войны. То и другое напрямую связано с этими местами России.

Я напомним коротко историю возникновения этих литературных праздников. Идея подобного фестиваля появилась на 12 съезде Союза писателей России в 2004 году. С тех пор фестиваль прошёл уже в нескольких

городах центра России, и каждый раз он был посвящён событию, дате или яркой личности. В Рязани – столетию со дня рождения Сергея Есенина, в Белгороде – под девизом «Мы отстоим тебя, русская речь...», в Липецке это были Пушкинские дни, в Калуге, в год Молодёжи, – «Звонкоголосая юность России». Начиная с белгородского фестиваля, на эти праздники всегда приглашаются писатели из Харькова, члены СП России. В Смоленск нас поехало трое: Анатолий Мирошниченко, Павел Гулаков и я – все члены Национального союза писателей Украины и члены Союза писателей России.

Ранним утром 21 июня комфортабельные автобусы направились из Москвы в сторону Смоленской области, в них ехало более 80 литераторов из разных уголков России, а также Белоруссии, Украины. Как было приятно узнавать известных писателей: Станислава Куняева, Александра Боброва, Ларису Баранову-Гонченко, Надежду Мирошниченко, Валентину Ерофееву-Тверскую, Бориса Орлова, Николая Рачкова, Азамата Юлдашбаева, Константина Скворцова, Николая Гребнева... С некоторыми я познакомилась в Белгороде и Липецке, кто-то приезжал к нам в Харьков на наши литературные конференции, а с Владимиром Сорочкиным из Брянска встречалась совсем недавно на съезде МСПМ в Сумах. И, конечно же, радостно было видеть среди нас Михаила Ножкина – любимого нашего артиста, певца и коллегу по Союзу писателей России. Мы ехали с ним в одном автобусе и всю дорогу пели – тем более что с нами был прекрасный ансамбль народной песни из Ельца «Червлёный Яр» (один из троих его участников, прозаик Александр Новосельцев, также член СП России). По этому поводу вместе с Михаилом Ножкиным мы вспомнили знаменитую фразу из фильма «Освобождение»... Советские войска уже ведут бои на окраинах Берлина, из рейхсканцелярии Геббельс набирает наугад телефонный номер, попадает в большой особняк, спрашивает хозяйку: «У вас есть русские? Что они делают?» И та отвечает: «Они поют». Да, в комнате сидят два офицера, одного из которых играет Николай Олялин, а второго – Михаил Ножкин, и герой Ножкина под гитару поёт знаменитую «Последний бой, он трудный самый. А я в Россию, домой хочу...»

Через два с половиной часа въезжаем в город Гжатск, который с 1968 года, после гибели первого космонавта, был переименован в Гагарин. Потому что это – родина Юрия Алексеевича Гагарина. По сути, весь город – это музейный комплекс, связанный с первым покорителем Вселенной. Интересно было побывать в залах «Музея первого полёта в космос», но род-

ной дом семьи Гагариных вызвал особенно трепетные чувства. Комната Юры... Детство многих из нас прошло в таких же скромных комнатах: стол с пачкой любимых книг, школьный пенал, пионерский галстук на спинке стула... И даже новый дом, стоящий тут же, рядом со старым, подаренный правительством страны родителям Гагарина после его полёта в космос – он такой же скромный и неприязательный, какими были и сами эти простые советские люди. Я ходила по этим комнатам, сохранившим настоящую обстановку семьи – здесь жили родители самого знаменитого человека Мира, сюда постоянно приезжал он сам, – и думала... Какая слава была у Гагарина, какая огромная любовь людей всей Земли! А он всегда оставался скромным, совестливым и простым. Михаил Ножкин, который крепко дружил с Юрием Гагариным, вспоминал и рассказывал нам у памятника космонавту: «Мы с ним должны были выступать в одном рабочем клубе. Я стою на крыльце курю, смотрю: Юра бежит бегом. Спрашиваю: «Чего бежишь?» А он отвечает: «Так ведь опаздываю! Люди скажут: Гагарин зазнался, заставляет себя ждать...» А нынешние так называемые «звёзды шоу-бизнеса» – что они по сравнению с Гагариным! Пыль! А не могут «наестся» квартирами, пентхаузами, особняками, капризничают, приезжая на гастроли: не такой лимузин им подали, не такой номер в гостинице!..

Дальше наш путь в Смоленск лежал через ещё одно прекрасное место этого края – усадьбу «Хмелита» – родовое имение семьи Грибоедовых. Поражающее воображение красотой и размерами дворянское поместье: дворец с анфиладами залов и комнат, каскад лестниц, спускающихся в сад... Поражают и масштабы реконструкции, и средства, отпущенные правительством края на неё. И вновь напоминание: истинные таланты всегда скромны и самоотверженны. По родовитости, по состоянию своему Александр Грибоедов мог вести жизнь элитного прожигателя жизни. Но он учился и трудился на благо Отчизны. Что мы помним из школьной программы: Александр Сергеевич Грибоедов – писатель одной книги, пьесы «Горе от ума». Но этот блестящий рифмованный шедевр до сих пор не сходит с театральных сцен, а сам Александр Грибоедов – настоящий «вундеркинд», – в 15 лет окончил словесный факультет Московского университета. Потом – ещё два факультета, знал в совершенстве 12 иностранных языков, в 17 лет, когда началась Отечественная война 1812 года, добровольцем вступил в гусарский полк... Он служил России в дипломатических миссиях Тифлиса, персидского Тегерана. И погиб, когда толпа рели-

гиозных исламских фанатиков разгромила русскую дипломатическую миссию в Тегеране. Погиб как герой, с саблей в руке. Его изуродованное тело вывезли в Тифлис и погребли на горе Мтацминда в гроте при церкви Святого Давида. Юная княжна Нина Чавчавадзе, ставшая всего лишь полгода назад женой писателя, поставила ему памятник с надписью: *«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»*. Какая насыщенная делами и смыслом жизнь, длившаяся всего 34 года!..

Как всегда бывает на таких праздниках, состоялся Пленум Союза писателей России. Проходил он в Смоленской областной универсальной библиотеке имени А. Т. Твардовского. Вёл Пленум председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, рядом с ним находился губернатор Смоленской области Антуфьев Сергей Владимирович. Много писателей выступило, все говорили очень интересно – остро, современно, актуально. Вспомню фрагментарно несколько.

Валерий Ганичев назвал «Три урока литературы», которые она вынесла из войны и Победы. Первый: сразу с первых дней нападения, без всяких указаний сверху, в писательских выступлениях, стихах стали мощно звучать слова «Родина», «Россия», «Священная война». И это имело большое значение, ложилось на умы и сердца людей. Второй: появление в произведениях героя-патриота – воина, подпольщика, партизана. Поэма Маргариты Алигер «Зоя» была написана в 42-м году, через несколько месяцев после гибели Зои Космодемьянской, по горячим следам её короткой жизни и героической смерти... В сентябре 42-го началась публикация первых глав поэмы «Василий Тёркин». Она имела такой успех, что когда Твардовский в 43-м году хотел завершить поэму, он стал получать множество писем – читатели требовали продолжение!.. В 43-м году в газете «Правда», вскоре после освобождения донецкого Краснодона, была опубликована статья Александра Фадеева «Бессмертие». А вскоре, на её основе, он начал писать свой знаменитый роман «Молодая гвардия»... Валерий Николаевич Ганичев спрашивал современных школьников – никто из них не читал «Молодую гвардию»... И третьим уроком В.Ганичев назвал «ненависть» – чувство, которое так же сильно звучало в военных произведениях. Иначе и быть не могло, если вспомнить хотя бы один факт: 593 тысячи (19 Бухенвальдов!) мирных жителей Смоленска было убито фашистскими оккупантами. Вот почему звучало у Симонова «Сколько раз ты его увидишь, столько раз и убей»,

у Светлова «Я стреляю, и нет справедливости справедливее пули моей», рассказ Шолохова «Наука ненависти»... А какова сила талантливое Слово, мы знаем.

Станислав Юрьевич Куняев (не могу удержаться, чтобы не сказать: с юных лет Станислав Куняев – мой любимый поэт) рассказал, что в 6-м номере журнала «Наш современник», главным редактором которого он есть уже много лет, дан обзор Ганичева всей литературы войны, которая помогла Победе. И что губернатор Белгородской области Евгений Степанович Савченко, прочитав этот материал, попросил увеличить тираж журнала для того, чтобы он был в каждой школе Белгорода и области. Рассказал С.Куняев и о том, что подготовил большое собрание стихов современных поэтов о Сталине. Написаны они не в эпоху «культы личности», не в годы войны, не во время хрущёвской «оттепели» или брежневского «застоя». Написаны стихи в последнее двадцатилетие – во время огульного антисталинизма. Эти мужественные стихи русских поэтов отстаивают честь отечественной литературы и истории.

Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко, один из самых известных публицистов и критиков, статс-секретарь СП России, страстно и вдохновенно говорила о том, что не должно нам стесняться своего советского прошлого. Мы победили в страшной войне потому, что до войны пели «На границе тучи ходят хмуро...», потому что школьники читали «Войну и мир», «Два капитана», потому что ещё до войны дети гордились отцами-«испанцами». А ещё потому, что на Красной площади стояли Минин и Пожарский, потому что маршал Жуков всю войну возил в машине икону Казанской Божьей Матери. И если завтра грянет новая война, мы победим только если «звёзды» не будут бояться «крестов»...

О войне и Победе говорил писатель, автор многих книг поэзии и прозы, моряк-фронтовик Михаил Матвеевич Годенко. Удивительный человек: ему 92 года, а он энергичен, мобилен, разговорчив, улыбчив! Он вручил Валерию Ганичеву копию Знамени победы, тот принял его вместе с Николаем Ивановым, писателем и офицером, прошедшим Афганистан, Чечню и недавнюю «горячую точку» – Цхинвал.

Писатель Владимир Фомичёв предложил увековечить память жителей деревень, сожжённых немцами на оккупированной смоленской земле. Он представил нам единственного чудом уцелевшего жителя деревни Новая Борьба, в которой заживо сгорели 270 человек – Петра Бычкова.

А потом – возложение цветов к прекрасному памятнику «Александр Твардовский и Василий Тёркин»: автор и его литературный герой сидят и беседуют, улучив момент затишья между боями... Вместе со смолянами 22 июня, ровно в четыре часа, со свечами писатели Крестным ходом прошли к Поклонному кресту перед Успенским собором Смоленского кремля на берегу Днепра, отслужили вместе с батюшкой поминальную литию по всем погибшим в годы Великой Отечественной войны и пустили на плотках по течению Великой реки свои свечи. А через несколько часов писательские бригады разъехались по Смоленской области – встречаться с читателями небольших городков и населённых пунктов.

Нас ждали учителя, работники библиотек, студенты и старшеклассники в городе Сафоново. Нас – это Владимира Сорочкина из Брянска, Елизавету Иванникову из Волгограда, Николая Игнатенко из Томска, москвичей Николая Иванова и Николая Беседина, и меня, харьковчанку. Нас принимали не просто тепло – радостно, слушали с таким вниманием и пониманием, трогательно волновались юные поэты, читавшие нам свои стихи. Интересно, что город Сафоново один из самых молодых городов Смоленщины: он был образован в 1952 году. А вот библиотека, в которой мы выступали уже отметила свой 100-летний юбилей! В деревне Сафоново и пристанционном посёлке Дорогобуж ещё в 1906 году, в здании пожарной сельской дружины, была открыта общественная библиотека на частные средства.

А завершился фестиваль на родине Александра Твардовского. Сначала ребята из народного театра в райцентре Починки, прямо перед памятником А. Т. Твардовскому, мастерски и задорно сыграли для нас отрывки из «Василия Тёркина». А после все поехали на хутор Загорье, который был восстановлен братьями любимого нами поэта – Константином Трифоновичем и Иваном Трифоновичем. Дом, кузница, где работал отец поэта, банька, колодец... Наверное не было ни одного из нас, писателей, кто бы не попил водицы из этого колодца!

На поляне у мемориального камня пели чудесные народные песни – причём песни именно смоленского края, – два фольклорных ансамбля из ближайших деревень. А когда концерт подошёл к концу, поднялся Михаил Ножкин. «Друзья, – сказал он. – Сегодня такой день! 22 июня! Давайте вместе споём «Последний бой»!» Что тут произошло! В едином порыве его окружили и писатели, и самодеятельные певцы – все, кто был в тот момент в Загорье. Заиграли баяны, гармони, гитары, подхва-

тивая мотив знаменитой песни. А вместе с Михаилом Ножкиным, автором и исполнителем её, вдохновенно запели все. Рядом с Михаилом Ивановичем встал Валерий Николаевич Ганичев, их голоса, усиленные микрофонами, задавали тон. Да, воистину это был прекрасный финал литературного патриотического праздника!

Как всегда бывало в таких поездках, я привезла с собой целую библиотечку книг моих друзей и коллег. Это самый ценный подарок для меня. Только что вышедшая у Станислава Куняева новая остро-публицистическая книга «Жрецы и жертвы Холокоста». Её можно принимать или не принимать, но её фактаж, как всегда у Куняева, неопровержим... И тоже только из печати интереснейшая книга Валерия Хайрюзова «Юрий Гагарин. Колумб Вселенной». Она читается, как увлекательный роман, в ней столько много новых неизвестных фактов, документов, свидетельств... Книги лирических и гражданских стихов Валентины Ерофеевой-Тверской, поэтессы из Омска, хорошо известной в России... Небольшая книжка стихов совсем молодого поэта Василия Попова. Молодого по возрасту, но парнишка этот из города Ангарска уже член Союза писателей России, лауреат Всероссийской поэтической премии «Соколики русской земли», Славянского литературного форума «Золотой Витязь». «Лети, лети, душа моя...» называется этот сборник. Не хочу предсказывать будущее этого поэта, скажу лишь, что Вася пьёт из того же родника, который утолял Сергея Есенина, Николая Рубцова.

НЕ ДИССИДЕНТЫ, БОЖЕ УПАСИ!

(Моя жизненная позиция)

Двадцать лет новые идеологи нового государства, нового социального строя и нового национального мышления вдалбливают нам в головы, что мы – быдло. Мы, это те, чьи деды – полуграмотные или совсем неграмотные красноармейцы от сохи или из фабричных бараков – делали революцию. Чьи отцы-рабфаковцы пять лет в окопах Великой Отечественной войны защищали Родину и мировую цивилизацию. Они тоже были быдло, «просвещают» нас: красноармейцы убивали беззащитных и благородных белых офицеров, фронтовики прошли своим грубым солдатским сапогом по цивилизованной Европе, которая счастливо жила при гитлеровском немецком порядке...

Ну а мы быдло, потому что пели «неправильные» песни в пионерских лагерях, ходили на «коммунистические» демонстрации, работали «за гроши», брали от власти «подачки» виде бесплатного обучения, бесплатного лечения, и чувствовали себя счастливыми. Это вместо того, чтоб писать обличительные письма на радио «Свобода», слушать по приёмнику «Архипелаг ГУЛАГ». Вот те – герои, а мы – быдло.

И ведь сумели многих убедить – хороших психологов готовят в заокеанских далях. Ощущение своей «второсортности» обернулось такой жизненной апатией, что страшным бумерангом хлестнуло по нашим детям – целому поколению потомков этого «быдла». Алкоголизм, наркомания, преступность, проституция... Что ещё?

Я не говорю о себе, я с самого начала была среди тех немногих, кто понимал, что происходит. Не представляя до конца результата, всё же чувствовала – идёт страшная навала. Когда в середине восьмидесятых годов появился Горбачёв со своим «ускорением», «новым мышлением» и «перестройкой», я сразу сказала одному своему коллеге-писателю: «Откуда он взялся на нашу голову!» и услышала в ответ удивлённое: «Да что ты, это же гений, это же мессия! Он нас всех спасёт!» Интересно, что мой коллега сегодня отказывается от этих слов: «Нет, я такого не говорил!» Он искренне не помнит того своего восторга... Так же никогда не верила умелому оплёвыванию в средствах массовой информации – начиная с «Огонька» Коротича, – нас, советских людей. Знала, что это умышленная, а значит – подлая ложь. И всё-таки состояние угнетённости испытывала много лет. А вот недавно, впервые за все последние годы, испытала гордость, прочитав всего лишь одно стихотворение Дианы Кан. Она – одна из наиболее любимых и читаемых сегодня поэтов в России, ученица великого поэта Юрия Кузнецова. Я лично знакома с Дианой Кан, у меня есть подаренная ею книга. Но вот недавно на сайте «Поэзия сопротивления» я прочла неизвестное мне стихотворение... Что значит мощь таланта, сила владения словом!

* * *

Покуда брюзжало тайком диссидентство в курилках, на кухнях за сытным столом – смеялось-искрилось счастливое детство, и синие ночи взвивались костром. Оно отсмеялось, оно отыскрилось. Подернулось горестным пеплом утрат... И не объяснит, как все это случилось уже не товарищ, не друг и не брат. Ужель нас за то упрекнете? Едва ли! Вы, дети ве-

ликой и страшной войны, что не холодали мы, не голодали, что звонко смеялись и в ногу шагали, что самое лучшее время застали мы – дочери ваши и ваши сыны. Вот так и живем с ощущением утраты огромной страны, превращенной в туман... Мы не диссиденты и не демократы. Мы – дети рабочих и внуки крестьян. Не ждите от нас покаянья – пустое!.. В своей ностальгии отнюдь не вольны мы – дети советской эпохи застоя – желанные чада великой страны.

Вот это: «Мы не диссиденты и не демократы, Мы – дети рабочих и внуки крестьян» – полыхнуло горячим жаром в груди. Я повторила это вслух, и рука сама рубанула воздух! И слёзы выступили на глазах, слёзы радости и гордости. Да, не демократы – слава Богу! Не диссиденты – упаси Господь! Дети рабочих и внуки крестьян – как это прекрасно!

ХОРОШО, ЧТО ВЫБОР «Є»

В центре Харькова, в самом начале улицы Сумской, не так давно появился ещё один книжный магазин. КНИГАРНЯ «Є». Я побывала там впервые на презентации книги моего коллеги-писателя, и получила истинное удовольствие. От самого магазина, от созданной здесь атмосферы, от того, как продуманно, с любовью и по-современному всё здесь устроено.

В первую очередь это, конечно же, книжный магазин: можно часами ходить вдоль стеллажей, переходя из отдела в отдел, и всё равно не освоить всего, что представлено. Но существует здесь и уютный небольшой зал для презентаций книг, встреч с писателями, собраний творческих клубов...

Отдел детской книги заполнен отлично изданными книгами для подростков, для малышей, и здесь же – место где дети могут поиграть, где им почитают книги. Есть музыкальный отдел, нём можно прослушать или посмотреть тот диск, который хочешь купить. Конечно же, – бесплатный Интернет, куда нынче без него, если даже в обычных библиотеках он существует. И – последнее веяние времени, – буккросинг. Название не всем ещё знакомо, потому дам разъяснение: так называемое «освобождение» книги. То есть, прочитал хорошую книгу (или не очень, которую не жалко), оставь её в людном месте – на лавке в парке, в метро и т.п. – пусть прочтёт другой.

Мне не раз приходилось видеть, как в современных больших книжных магазинах молодые люди, став в уголке или присев на корточки у

стеллажей, читают взятую тут же книгу. У моей дочери есть друг, который в «Books» садится на пол и часами читает книги. Никто не возражает, это как бы уже в порядке вещей. В книгарне «Є» пошли ещё дальше. Здесь просто устроено небольшое кафе, можно, взяв чашечку кофе, взять с полки и книгу – сидеть, пить, читать. Цивильно, по-европейски. А как иначе: ведь учредитель сети этих книжных магазинов с названием «Є» – австрийская медиакомпания.

А это и в самом деле целая сеть магазинов по Украине, причём, как и в Харькове, во Львове, в Одессе, в Киеве и так далее – в самом центре этих городов.

Есть у «Є» ещё одна особенность – это магазин украинской книги. То есть, не той «украинской», которая написана в Украине и писателем, живущим в Украине, а книги конкретно на украинском языке. Такого большого магазина, где все стеллажи заставлены книгами на украинском языке – художественная литература самых разных жанров, юридическая, педагогическая, медицинская, кулинарная... – мне видеть ещё не приходилось. Ну... может, только в советские времена. Тогда книжные магазины, а их было по городу множество, предоставляли в основном книги на украинском языке. В те времена книгу на русском языке можно было достать лишь на «чёрном» книжном рынке у спекулянтов втридорога, или по большому «блату». За подписками классиков очереди выстраивались ночами. Но на украинском языке в свободной продаже было очень многое – и Майн Рид, и Хемингуэй, и Сервантес... В отличных переводах. Не говоря уже об украинских классиках и современниках...

Знаю, что современной молодёжи об этих тонкостях жизни при «тоталитарном» режиме не рассказывают. Наоборот: только и слышно о притеснении, гноблении, гонении... У моего любимого поэта Станислава Куняева есть такие строки:

Какой-то тип вещает мне
С акцентом в каждой вещи фразе
Всю правду о моей стране,
Как будто я живу на Марсе.

Так вот, я в самом деле жила не на Марсе, а в Советском Союзе, и всё это происходило на моих глазах. Ясное дело – не демократичный был

тогда режим, проводил политику поддержки национальных культур без учёта региональных особенностей. Раз Украина – вся пресса на украинском языке! И на западе страны, и на востоке. Тогда этим озабочивалась Москва, а теперь, как я понимаю – Вена... Между прочим, газеты в Харькове тоже были все украинские, за исключением одной-двух. Даже заводские многотиражки. Я это тоже знаю лично: десять лет проработала в редакции газеты «Темп» ХТЗ, писала и коротенькие информации, и большие очерки на украинском языке.

Да, от изучения украинского можно было легко освободить ребёнка в школе. Что было, то было, и я с этим тоже столкнулась. Когда моя старшая дочь Даша училась в четвёртом-пятом классах, у неё были сильные головные боли. Сами учителя предложили нам, родителям: «Освободите девочку от украинского, ей будет легче учиться». Я, мать, жалея ребёнка, склонялась к этому, но мой муж, поэт и художник Владимир Глебов (между прочим, чистый «русак»: архангельско-тульско-орловский парень) категорически сказал: «Нет! Как можно, на Украине живём!»... Дарья, закончив истфак, преподавала в школе историю на украинском языке...

Но я отвлеклась, мы говорим о литературе, о книжных магазинах. Я рада, что в наше демократическое время есть паритет. Сеть книжных магазинов «Є» («выделяется среди большинства книжных сетей тем, что продвигает собственный, украинский продукт»). И сеть других книжных магазинов («целенаправленно продвигают русскую книгу») Это не я так принципиально их разделила: процитировала **ОПИСАНИЕ** с сайта харьковской книгарні «Є». И если читатель, без сомнения, выберет Пушкина, Лермонтова, Булгакова или фантастику Ивана Ефремова на русском языке, а Шевченко, Лесю Украинку, Загребельного или Андруховича на украинском, то на каком языке читать Шекспира, Стивена Кинга или Гарри Поттера – он решит сам. Слава Богу, выбор есть. Тобто, «Є».

Место, где находится книгарня, мне хорошо известно – впрочем, как и многим харьковчанам. Долгие годы здесь работал ресторан «Люкс». Я его помню потому, что там можно было видеть одну из первых работ мастерской художественнойковки «Левша», которую в 90-е годы создал Владимир Глебов: красивые кованые входные двери. Но не только поэтому. Было на Сумской два места, особенно любимые писателями: кафе-автомат («Пулемёт», как мы говорили) и ресторан «Люкс». В «Пулемёт» забегали постоянно – там было попроще, подешевле. Ну а

если случался гонорар, да ещё за вышедшую книгу, – это, конечно, уже был «Люкс»! Гонорары, и приличные, мы получали за публикации в газетах, журналах, за выступления по радио или ТВ. А вспоминать гонорары за книги можно только с ностальгическим вздохом: даже за тоненькую книжку стихов, изданную в харьковском «Прапоре», можно было безбедно жить целый год... Так что в «Люкс» заглядывали. Раза два и мне довелось там быть...

И вот теперь на том же месте есть возможность вновь собираться писателям. Это символично. И очень хорошо, что не за хмельным столом, а за чашечкой кофе, за разговором или даже дискуссией о творчестве.